Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161’01″16″
DOI 10.17223/18137083/97/3

Библейские сюжеты и образы в полемических сочинениях писателей второй половины XVII века: особенности использования

Тамара Васильевна Панич

Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
panich.t@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6223-7615

Аннотация

Рассматриваются библейские сюжеты и образы в полемике писателей второй половины XVII в. К исследованию привлечены тексты писателей круга Патриарха (книга «Щит веры», «Сибирские послания» тобольского митрополита Игнатия, сочинение Евфимия Чудовского), произведения старообрядцев и Петра Артемьева. Изучается специфика использования библейских нарративов в структуре сочинений, раскрываются особенности авторской рецепции, характер обработки и интерпретации сакрального текста во взаимосвязи с социокультурной проблематикой эпохи; устанавливаются функции сюжетов, мотивов и образов Священного Писания в идейно-религиозных спорах переходной эпохи.

Ключевые слова

писатели XVII в., полемика, библейские тексты, сюжеты, мотивы, образы

Благодарности

Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций», № FWZM-2024-0006

Для цитирования

Панич Т. В. Библейские сюжеты и образы в полемических сочинениях писателей второй половины XVII века: особенности использования // Сибирский филологический журнал. 2026. № 4. С. 43–55. DOI 10.17223/18137083/97/3

© Панич Т. В., 2026

Biblical plots and images in polemical writings of the second half of the 17th century: features of their use

Tamara V. Panich

Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

panich.t@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6223-7615

Abstract

This paper analyzes texts from authors within the Patriarch's circle to explore the utilisation of biblical narratives in the polemics of the latter half of the seventeenth century. The research material includes the book *Shield of Faith* (*Shchit very*), *Siberian Epistles* (*Sibirskiye poslaniya*) by Metropolitan Ignatius (Korsakov) of Tobolsk, the works of Euthymius Chudovsky, writings by the Old Believers, and texts by Peter Artemyev. The focus is on various biblical plots and images employed in these writings (e.g., Rev. 12:1–17; Num. 16:1–35; Lev. 10:1–2; Gen. 11:1–9; 1 Sam. 16–31; Ps. 51:7–8; Acts 26:14; Matt. 14:22–33). Furthermore, the research considers the reception of biblical narratives and their authorial interpretation in relation to the contemporary events of the late seventeenth century, determining their functions within the text's structure. Biblical narratives traditionally occupied a leading position in the hierarchy of sources; writers turned to them seeking the knowledge necessary to interpret contemporary cultural and social events. The complex imagery of Holy Scripture plots allowed authors to extract multiple meanings. Consequently, the interpretation of biblical plots and images depended on the author's ideological stance and creative strategy. This strategy determined the semantic orientation of the text's symbolism to defend the writer's ideas. Ultimately, biblical texts served as authoritative and indisputable arguments in polemics against ideological opponents.

Keywords

17th-century writers, polemics, biblical texts, plots, motifs, images

Acknowledgments

This research was conducted under the state assignment on the topic "The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions," project no. FWZM-2024-0006

For citation

Panich T. V. Bibleyskiye syuzhety i obrazy v polemicheskikh sochineniyakh pisateley vtoroy poloviny XVII veka: osobennosti ispol'zovaniya [Biblical plots and images in polemical writings of the second half of the 17th century: features of their use]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*]. 2026, no. 4, pp. 43–55. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/97/3

В литературе второй половины XVII в. важное место занимали тексты из Священного Писания. Используя библейские сюжеты, мотивы и образы, авторы «переходного» периода продолжали традиции письменной культуры Древней Руси, образная система которой во многом основывалась на библейской поэтике. Ссылки на сакральные тексты являлись неотъемлемой частью содержательной структуры сочинений самых разных жанров. Р. Пиккио отмечал: «На протяжении долгой истории православной славянской литературы неизменным оставался прием создания текстов таким образом, чтобы "слова истины", содержащиеся в библейских цитатах, могли помочь читателю уловить высший смысл каждого сообщения» [2003, с. 152].

Во второй половине XVII в. в общественной жизни и культуре обозначились значительные трансформации, вызванные влиянием разных факторов. В первую очередь сказались последствия церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, которая стала причиной раскола Церкви и ослабления ее авторитета в жизни общества. Немаловажное значение имели также культурное и конфессиональное влияние Запада, процессы секуляризации и эмансипации культуры, а также другие причины и исторические обстоятельства общественной жизни, способствовавшие переменам. Перемены содействовали формированию конфликтных ситуаций, становились поводом для возникновения идейной борьбы между разными общественными группами и их лидерами, отстаивавшими свою позицию, взгляды и интересы. По словам Г. Флоровского, «весь век проходил в крайнем напряжении и в беспокойстве, в разноголосице, в пререканиях и спорах» [1983, с. 57]. Религиозно-идеологические конфликты между старообрядцами и представителями патриаршей Церкви, «грекофилами» и «латинствующими», находили отражение в сочинениях, посвященных актуальным проблемам второй половины XVII в. [1] Важной частью этих нарративов были сюжеты, мотивы и образы Священного Писания, привлекавшиеся авторами с целью аргументации собственных взглядов по спорным вопросам.

Задачей предлагаемой статьи является исследование специфики использования библейских сюжетов и образов в публицистике второй половины XVII в., а также определение роли и функций, которые они выполняли.

Священное Писание являлось своеобразным хранилищем, библиотекой готовых текстов, сюжетов и образов, подходящих для использования в определенной ситуации и неоспоримо авторитетных. Оно традиционно занимало ведущее место в иерархии источников. К нему обращались в поисках абсолютных истин. Широкие семантические возможности и сложная образность сюжетов Священного Писания позволяли извлекать из них самые разные смыслы в зависимости от идеологических установок и целеполаганий авторов полемических текстов. Не редко один и тот же библейский сюжет, мотив или образ мог быть использован в сочинениях обеих полемизирующих сторон. Их трактовка обеспечивала необходимую для тех и других смысловую направленность символики текста в защиту своих представлений и суждений. Оставаясь всегда актуальными, боговдохновенные тексты позволяли тому или иному автору, откликавшемуся на запросы времени, находить в сюжетах и образах ветхозаветной и новозаветной истории символические ключи к истолкованию событий современности. Как справедливо было замечено М. Гардзанити, «обращение к библейским цитатам связано с намерением автора передать актуальность учения Св. Писания в современном ему мире, развивая собственное толкование исторической эпохи» [Гардзанити, 2007, с. 32].

В полемике рассматриваемого периода большую популярность приобрел сюжет двенадцатой главы Откровения Иоанна Богослова – «Жена, облеченная в Солнце» (От 12: 1–17). Это один из сложных по своему семантическому наполнению библейских сюжетов, каждый элемент которого имеет глубокий духовный смысл, пророческую символику. К его образной символике обращались и писатели, представлявшие патриаршую Церковь, и старообрядцы, по-своему трактовавшие апокалиптическое видение благодаря его смысловой глубине и многопла-

[1] О религиозно-политическом противостоянии и борьбе идей в литературе второй половины XVII в. см., например: [Робинсон, 1974; Демин, 1985, с. 223–244; Живов, 2004, с. 7–68].

вости. Подробное истолкование видение получило в предисловии к книге конца XVII в. «Щит веры», посвященной истории споров между «грекофилами» и «латинствующими» о времени пресуществления Святых Даров на литургии. В книге был приведен анализ тех деталей сюжета, которые представляли для ее авторов интерес в связи с задачами полемики с «латинствующими». Авторы представили традиционную трактовку центрального образа двенадцатой главы Откровения – образа Жены. В «Щите веры» она символизировала гонимую Церковь, ее гонителем выступал семиглавый дракон (варианты: змей или дьявол), извечно противостоящий Церкви. Увлекаемая драконом и поверженная на землю «третья часть звезд небесных» (От 12: 4) в трактовке составителей «Щита веры» символизировала прельщенную им «третью часть благочестивых христиан», которые, как сказано в книге, «на землю падоша в прелесть погибели и нечестия». Это падение являлось знаком отхода западной Церкви от истинного благочестия. В числе «третьей части звезд небесных» авторы «Щита веры» подразумевали также и своих оппонентов (в частности, Сильвестра Медведева и его единомышленников), которые транслировали в своих сочинениях католическое учение о времени пресуществления Святых Даров, следовательно, стали гонителями Церкви [Панич, 2004, с. 78–81].

Подобный характер интерпретации образа «третьей части звезд небесных» как образа отринувшей благочестие и падшей в нечестие западной Церкви имел довольно широкое распространение. Такое истолкование образа, близкое по своей сути, но с некоторыми нюансами, находило отражение не только в текстах представителей патриаршей Церкви, но и в сочинениях идеологов «старой веры». Например, дьякон Федор Иванов представил свой анализ символики образа «третьей части звезд небесных» в «Ответе православных». Он писал: «По тысящи лет от волния страсти Господа нашего Исуса Христа развязан бысть змий древний, сатана, на мало время да льстит народы, якоже глаголет во Откровении Богословле, глава 20. И егда выскочив из бездны, прииде на первое свое место, на Запад, идеже свержен бысть с небеси, и тут хоботом своим, папою Римским, отторже третию часть звезд небесных, сиречь православных, от веры – церковнаго неба – и поверже их на землю, сиречь на плотское мудрование, еже вражда на Бога глаголется, по Апостолу. И той сатана Римское царство на Западе, идеже престол его есть, учинил матерь и приятилище всех ересей и источник всякаго нечестия» (цит. по: [Демкова, Титова, 2001, с. 198]). Образ «третьей части звезд небесных» знаменитый идеолог староверия использовал и в небольшом сочинении «О вопрошении священнодиякона Феодора нечестивых властей» [2]. В нем образ «третьей части звезд небесных» встроен автором в его риторический вопрос, обращенный к «нечестивым властям»: «Скажите мне… И что виде Богослов змия, отторгша хоботом своим третию часть звезд небесных и вергша на землю? Скажите, что змий и хобот его, и что звезды его?» (цит. по: [Субботин, 1885, с. 182]). Дьякон Федор не сопровождает здесь апокалиптические образы авторскими комментариями, полемист знает ответы на свои вопросы, он хочет услышать их от своих оппонентов, властных гонителей.

Сюжет «Жена, облеченная в Солнце» привлекался и другой стороной конфликта: церковные писатели использовали его в текстах, посвященных борьбе

[2] Сочинение вошло в «Христианоопасный щит веры» инока Авраамия. Опубликовано: [Субботин, 1885, с. 181–183]. О рецепции образа «третьей части звезд небесных» в русской публицистике XVII в. см.: [Опарина, 2003].

с расколом. Выстраивая стратегию борьбы с идеологией староверия, они опирались в своих сочинениях на образы и мотивы данного сюжета. Одним из первых таких текстов было сочинение Епифания Славинецкого, начинающееся словами: «И знамение велие явися на небеси, Жена облечена в Солнце, и луна под ногами ея, и на главе ея венец от звезд дванадесяти» [3]. Слова первого стиха двенадцатой главы Апокалипсиса выполняют здесь функцию «тематического ключа», открывающего смысловое содержание всего текста, направленного против ревнителей «старой веры».

В антистарообрядческих сочинениях церковных авторов защитники «старой веры» представлялись яростными гонителями Церкви. Ярким примером может служить обличительная проповедь тобольского митрополита Игнатия в его «Сибирских посланиях» [4]. Здесь писатель назвал конкретные имена «злых еретиков» и врагов Церкви – вождей урало-сибирского раскола. Писатель использовал образы двенадцатой главы Откровения Иоанна Богослова в первом и третьем посланиях своего эпистолярного комплекса. Можно отметить также и отдельные элементы сюжета, рассыпанные в разных частях текста. Например, в высказываниях автора, касающихся образа и злонамеренных действий апокалиптического змия, соотносимых писателем с действиями старообрядцев: «онаго окаяннаго змия хуление», «каковую хулу адский змий диавол со отступниками своими умыслил есть», «таковою хулою и укоризною православных христиан, яко смертоносным ядом змииным надышут» и т. п. В первом послании митрополит Игнатий обрушивал гнев на идейных лидеров старообрядцев, искусно вплетая в свою проповедь образы и мотивы сюжета «Жена, облеченная в Солнце», попутно их интерпретируя (комментарии митрополита Игнатия выделены мною курсивом. – *Т. П.*): «О нечестивии! О сквернии! Како не убоястеся таковая помышляюще и пишуще, и учаще… и на святую свою Матерь, божественную Церковь Христову, таковая хуления, яко воду от уст своих змииных испустисте? Но Церковь убо святая на камени веры Христовы крепце стоит, и аще писанный во Откровении, сиречь во Апокалипсисе во главе 12, змий, стоящий пред Женою, облеченною в Солнце, хотящею родити, *еже есть святою Церковию, хотящею раждати святым крещением верных людей*. И тое рождение ея восхитися к престолу Божию. И егда виде змий, яко низвержен бысть, гоняше Жену. Жена же, *еже есть святая Церковь*, бежа от лица змиина в пустыню, *еже есть в терпении укоризн*. И тогда испусти змий за Женою от уст своих воду многу, яко реку, да ея в реце потопит. *Река же есть хуление сих злых еретиков* арменина[5] и Лепихина, и Венгерскаго» (цит. по: [Панич, 2019, с. 167]).

Автор «Сибирских посланий», как видим, трижды акцентирует внимание на трактовке образа Жены, символизирующей гонимую Церковь. При этом он вновь привлекает внимание к образу низверженного змия и мотиву «воды потопления», обозначающей в его трактовке высказывания («хуления») и действия старообрядческих духовных вождей, направленные против Церкви.

Эти обличительные заявления и рассуждения автора «Сибирских посланий» были ответом на оскорбительный для патриаршей Церкви поступок Якова Лепихина и Авраамия Венгерскаго, заключавшийся в том, что они изготовили рисунок

[3] См. в рукописи: ГИМ, Синодальное собрание, I, л. 513 – 519 об.

[4] Текст опубликован. См.: [Панич, 2019].

[5] Митрополит Игнатий здесь имеет в виду Иосифа Астомена (в миру – Ивана Иванисова). Мирское имя установил А. Т. Шашков. См.: [Шашков, 2013].

(«лист в лицах»), который представлял собой изображение Церкви, отступившей, как полагали исполнители рисунка, от «истинного благочестия» и пребывающей во власти змия (дьявола). На рисунке, по словам митрополита Игнатия, змий обвился вокруг Церкви и изрыгал свой яд на Святые Дары. Игнатий описывал возмутившее его деяние старообрядческих «лжепроповедников» следующим образом: «Слышах… яко в пределех области нашея епархии, града Тюмени, нецыи убо, сошедшеся… со злыми своими лжеучителми, со окаянным Якункою Лепихиным и со проклятым чернцем Венгерским, написаша рукою скверною на святую Церковь хулы многие, яко воду многу. И ругающеся, – повествует Игнатий, – написаша Церковь святую и учителя своего, искони злаго врага диавола, аки змия оплетшася окрест ея и исплевающа яд свой на святыя Тайны – святаго Тела и Крове Христовы. И таковый лист в лицах окаянный он Якунка Лепихин, яко сам сый быв иконник, от злаго сердца своего написав, изрыгне… И покусися злочестивый Лепиха Церковь святую сим листом своим во ушесех христиан осквернити» (цит. по: [Панич, 2019, с. 166]). В приведенном фрагменте вновь получает реализацию мотив воды, испущенной змием вслед бегущей от преследования Жены-Церкви. Здесь вода также символизирует «многие хулы» исполнителей рисунка.

Таким образом, Яков Лепихин и Авраамий Венгерский, как и их обличитель митрополит Игнатий, обратились к тексту двенадцатой главы Откровения Иоанна Богослова, осмыслив его в соответствии с эсхатологическими представлениями старообрядцев. Будучи иконописцем (о чем сообщал автор «Сибирских посланий»), Яков Лепихин визуализировал образ гонимой Церкви, по-своему истолковав сюжет Апокалипсиса. Визуальный образ Церкви, плененной апокалиптическим змием, должен был дополнить и значительно усилить устное и письменное слово старообрядческих проповедников. Подобный способ реализации сюжета 12-й главы Откровения позволял идеологам урало-сибирского раскола в доступной, наглядной форме, в виде незатейливого, но эмоционально отрицательно заряженного рисунка, донести до своих единомышленников, подавляющее число которых составляли простые люди, крестьяне, мысль о поврежденности (как они считали) никонианской Церкви, якобы захваченной дьяволом (змием, драконом). Тем самым они подкрепляли визуально оформленным образом (иллюстрировали) свои проповеди, в которых призывали людей не признавать обрядовых новаций, игнорировать священство, не посещать храмы и отвергать церковные таинства.

В ответ на подобный выпад поборников «старой веры», порочащий патриаршую Церковь, митрополит Игнатий, опираясь на пророческие слова Ипполита Римского, сделал следующее заключение: «Се убо ныне сбысться святаго Ипполита слово [6]. Се ныне… Астомен, и Лепихин, и Венгерской учат и заповедают, да никто же входит во святую церковь. И покушаются, всяко влагая во ушеса и в мысли, дабы помышляли Церковь святую скверною» (цит. по: [Панич, 2019, с. 167]).

Интересно, что позднее Димитрий Ростовский, использовавший в качестве источника «Сибирские послания» тобольского митрополита в книге «Розыск о раскольнической брынской вере», поместил в ней данный эпизод в существенно

[6] Автор Послания обращался здесь к популярному в полемическом дискурсе старообрядцев слову Ипполита, папы Римского, «О скончании мира и о антихристе, и о Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа». Сочинение было издано Московским Печатным двором в составе Сборника из 71 слова («Соборника большого»). М., 1647, л. 120–140.

измененном виде. В отличие от рассказа митрополита Игнатия, в котором говорилось об одном рисунке («лист в лицах»), автор «Розыска» писал о том, что были изготовлены «листы многия»: «Таковыя *листы многия* написав, *людем раздаяше* и *во окрестныя послаше пределы*, да люди мерзятся церковию и чуждаются пречистых Христовых таинств» (курсив мой. – *Т. П.*) [Ростовский, 1762, л. 15 об. третьего счета]. Иначе говоря, согласно представлению Димитрия Ростовского, в «окрестные пределы» рассылались многочисленные «листы» с целью привлечения в ряды поборников «старой веры» новых сторонников. Остаются неясными мотивы, по которым автор «Розыска», обличая старообрядческих вождей («злых лжепроповедников») Авраамия Венгерского и Якова Лепихина и других, внес изменения в источник, написав о том, что порочащее Церковь изображение было размножено, что должно было усугубить вину авторов «листа» перед духовными властями, придать их агитации более опасную форму.

В «Сибирских посланиях» мотивы и образы 12-й главы Откровения используются и в третьем послании, где автор полемизировал на этот раз с защитниками «старой веры» о форме крестного знамения. Митрополит Игнатий привлек лишь несколько структурных элементов сюжета «Жена, облеченная в Солнце». Так, он писал: «Тии же окаяннии, яко злобеснии пси… три же перста… начаша зелне хулити и, изморцавше хуления мутную воду, яко реку. Но поможе земля, яко же глаголет святый Богослов во Откровении о Жене оной предивной, облеченней в Солнце, и Луна под ногама ея, гонимой от змия, и бегающей от воды потопления. Тако и зде Церкви своей Христос Бог подаде помощь» (цит. по: [Панич, 2019, с. 205]).

В этом случае писатель символически приравнивал к «водам потопления», испущенным вслед Жене, не учение старообрядцев в целом (как он делал ранее), но их представления и конкретные высказывания («хуления») по вопросу о перстосложении. При этом ведущая роль в символике реализуемого здесь сюжета принадлежит образу земли, которая по воле Бога поглощает пущенную апокалиптическим змием реку, спасая гонимую им Жену-Церковь.

Приведенные примеры использования сюжета «Жена, облеченная в Солнце» (От 12: 1–17) позволяют говорить о разном характере интерпретации образа Жены как гонимой Церкви: его трактовка, как показывает анализ текстов, целиком зависит от идеологической позиции авторов указанных сочинений и их творческой стратегии, определявшей смысловую направленность символики текста в защиту тех или иных умозаключений. При этом субъекты, осуществляющие гонение Церкви, в их представлении, разные. В одном случае это Запад с его злонамеренной экспансией с целью подрыва православия (здесь взгляды представителей правящей Церкви и защитников «старой веры» сходились), в другом – старообрядцы, отвергшие новины обрядовой реформы патриарха Никона, в третьем – никониане, ведшие непримиримую борьбу с расколом.

Можно отметить большую популярность в публицистике второй половины XVII в. и еще одного библейского сюжета, который приобрел актуальность в связи с церковной реформой и использовался в качестве непреложного аргумента при обличении духовных наставников старообрядцев, когда речь шла об их посягательстве на функции священства. Одним из первых в защиту священства, обладающего исключительным правом решения церковно-канонических вопросов, и с порицанием «простецов», незаконно присвоивших себе это право, выступил

Епифаний Славинецкий в слове «На непокорники Церкви» [7]. Он называл их «похитителями чужого звания», призывал «не даннаго же чина и достоинства отнюдь никако же восхищати». При этом Епифаний ссылался на эпизод ветхозаветной истории, повествующий о наказании Корея, Дафана и Авирона (Числ 16: 1–35), которые восстали против Моисея, отказались ему подчиниться, домогались священства и были наказаны за это: живыми были сведены в преисподнюю вместе со своим окружением. Эпизод ветхозаветной истории наглядно и убедительно демонстрировал недопустимость священнодействий непосвященными.

В «Сибирских посланиях» митрополитом Игнатием с этой целью был использован другой эпизод из Ветхого завета, где также отражена данная тема. Автор посланий опирался здесь на сюжет из книги Левит (Лев 10: 1–2), повествующий о том, как сыновья Аарона Авиуд и Надав были уничтожены (сожжены) за нарушение установленных свыше законов. Примечательно, что при этом митрополит Игнатий увязывал библейское предание об истреблении огнем самозваных священников с реальными историческими событиями – старообрядческими самосожжениями («гарями»), происходившими в Урало-Сибирском регионе во второй половине XVII в. Об этих «гарях», в которых погибли сотни людей вместе с их наставниками, митрополит Игнатий хорошо знал и некоторые из них весьма ярко описал в «Сибирских посланиях». Обращаясь к духовным лидерам приверженцев староверия, повинным в «огненной гибели» их адептов, Игнатий с гневом предрекал им судьбу ветхозаветных нарушителей божественных установлений – сожжение «вечным и бесконечным» «огнем от Господа»: «О окаяннии! Како сия дерзаете творити не сущу истинному иерею, законно и чинно поставление от архиереа православнаго имущему? Почто не помышляете в древнем завете Надава и Авиуда, дерзнувших священствовати, не поставленным же им сущым, последова гнев Божий, и возгореся огнь от Господа, и сожжени быша. Но да видим воистинну, яко иже древле Господь Бог и ныне той же един есть, и такову еже и вам окаянным самопоставившымся попам сотворил есть, и такожде сожжени бываете огнем временным, предтечно же – вечным и безконечным» (цит. по: [Панич, 2019, с. 172]).

Приведенные примеры использования библейских сюжетов показывают, таким образом, разный характер их рецепции, авторской интерпретации и обработки при включении в композиционную структуру создаваемого текста. Наряду с использованием того или иного сюжета в полном его виде, часто он присутствует в публицистическом сочинении фрагментарно, лишь в виде отдельных деталей, в парафразах, в форме простого упоминания или скрытой цитаты. При этом компетентный читатель, знающий Священное Писание, мог воспроизвести в своей памяти содержание каждой истории в ее целостном виде.

Иногда полемисты второй половины XVII в. прибегали к созданию более сложных словесных конструкций, построенных на основе контаминации множества библейских сюжетов, мотивов и образов. Например, Евфимий Чудовский в заключительной части своего сочинения против Петра Артемьева [8], которого он

[7] Публикацию текста по спискам БАН, 16.14.24, л. 61–72 и ГИМ, Синодальное собрание, № I, л. 496 – 502 об. см.: [Панич, 2006, с. 158–180].

[8] Речь идет о сочинении Евфимия «Ответ на лжущее писание отступника от благочестия восточнаго, униата же папежскаго, Новомещанския слободы диакона Петра». Списки сочинения с отдельными разночтениями сохранились в нескольких рукописях, содержащих материалы, связанные с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского. В статье используется список начала XVIII в. БАН, П.I.В.11.

называл «русским езувитом» и обвинял в распространении католического вероучения, использовал целый ряд ветхозаветных и евангельских нарративов. Обращаясь к Артемьеву, он писал: «Халанское убо твое сие столпотворение, на песце лжесловий твоих основаное, удоборазрушно есть, заеже возлюбил еси злобу паче благостыни и неправду паче неже глаголати правду. Сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя и преселит тя от селения твоего и корень твой от земли живых. Жестоко убо тебе ко остну прати: набодешися бо, яко Саул, гонивый Давида, излиеши внутреняя, яко Иуда, предавый Христа» (БАН, П.I.В.11, л. 18 – 18 об.).

В первой фразе приведенного фрагмента нашло отражение библейское предание о строительстве и падении Вавилонской башни (Быт 11: 1–9), создание и обрушение которой Евфимий уподобляет сочинению Петра Артемьева («лжущему писанию»), отражающему чуждые православию идеи католицизма, а поэтому может быть легко опровергнуто («удоборазрушно»), по мнению чудовского полемиста. Далее Евфимий отсылает своего оппонента к ветхозаветным царям Саулу и Давиду, а также сравнивает Артемьева с Иудой, предавшим Иисуса Христа. Намекая на поучительную историю вражды Саула против Давида (Саул из зависти к военным успехам Давида постоянно тайно преследовал его, не раз хотел убить, однако в конце концов сам погиб, упав на свой меч (1 Цар: гл. 16–31)), а также на евангельскую историю предателя Иуды, Евфимий предрекает Петру Артемьеву такую же судьбу. В структуре указанного фрагмента обнаруживаются и другие цитаты из Священного Писания (Пс 51: 7–8; Деян 26: 14).

Еще более сложные образы, построенные на основе библейских текстов, можно найти у самого Петра Артемьева. Особенно хорошо это демонстрирует его послание отцу из Москвы в Суздаль [Панич, 2007]. Хотя послание в строгом смысле не является полемическим сочинением, однако оно содержит фрагменты, где Артемьев как бы ведет спор со своими противниками (в частности, с Евфимием Чудовским), оправдывается и защищает свои взгляды, свою позицию. Архитектоника этих фрагментов основана на контаминации целого ряда библейских сюжетов и образов, составивших в итоге сложные смысловые конструкции. Интересно, что Артемьев при этом использует и трактует сакральные тексты применительно к собственной персоне, описывая сложную ситуацию, в которой он оказался из-за своей приверженности католицизму и гонений на него со стороны духовных властей. В созданных писателем образах в полной мере отразилось его сильное психологическое напряжение, которое он испытывал в это время в ожидании обещанного патриархом Адрианом церковного суда. Артемьев сумел передать и сильную тревогу, и изменчивое душевное состояние: от твердой самоуверенности («не может мя вне виду пирян духовных Евфимий с подобными си утащити») до последней степени самоуничижения («мерзость же моя и скаредство кто возпомянув, не возгнушается, толико бо мерзок и нечист есмь»).

Описывая свои переживания, Артемьев извещал отца, который был на стороне патриарха (порицал сына за его новые убеждения), о своей готовности стать жертвой. Он писал: «По возвращении же мя из Италии писал еси ми грозобещающ, мя, самозван сый, пожрети и пред живым Христа Бога образом, крайнейшим глаголю судом архипастырским… Ныне же не самозванне, но благоволителне зовет тя исто на сие самый глас божественный, глаголя: “Авраме, Авраме, новый Авраме – Артемие! Вознеси ми сына своего на жертву единаго, другий у тебе останется”. Скоро, скоро, о, мой чадолюбивый отче, приемли, приемли нож си мужественно в руце, приими, глаголю, возприими нож острый – ответ твой

истинный и правый, и режь нещадно скоро мене, своего сына, да не предварит мя овен сада Савекова… пожри убо мя ему (здесь он называет имя патриарха Адриана. – *Т. П.*) ныне цело и всесовершенно, без пощадения…» (цит. по: [Панич, 2007, с. 185]).

Можно наблюдать, как искусно писатель вплетает в свое повествование разъятый им на отдельные элементы библейский сюжет (Быт 22: 1–14), прилагая их к описанию своего положения. Артемьев уподобляет себя ветхозаветному Исааку, а своего отца Артемия представляет в образе Авраама. Отец при этом не должен его щадить, а должен пожертвовать сыном, сдав его на суд церковного собора, на благоприятный исход которого Артемьев не надеялся. Метафорика созданного писателем текста хорошо передает его настроение и целый спектр сильных эмоций.

В другом фрагменте послания, столь же витиеватом, экспрессивном и эмоционально окрашенном, Артемьев опирается на ветхозаветный сюжет призвания пророка Исайи (Ис 6: 6) и евангельский сюжет хождения по водам (Мф 14, 22–33). Акцентируя внимание на мотиве очищения уст горящим углем, Петр развивает тему проповеднического дара, дара искусного владения словом. Осознавая себя удостоенным свыше «благодати слова», он желает обретения этого дара и отцу. Он дерзновенно обращается к отцу от имени Бога: «Услышах и дарствую, Артемие, не Исаие! Тщателно разверзш уста своя верою, приими сей угль Божественный благодати, и во дни святыя верзися с корабля неудобоглаголания в пространное море удобоглаголания, не требуя весла, ни ботника, коея-любо буди книги, токмо рцы ко Мне, Иисусу, петровидне: “Господи, повели ми по водам глаголания ходити”. Вергнувся же, не озирайся на Петра, пусть он, хоть и тонет, ты пешошествуй немокренно до брегу конца слова…» (цит. по: [Панич, 2007, с. 183]).

Любопытно, что сюжет хождения по водам (Мф 14, 22–33) в контексте повествования приобретает новое смысловое наполнение: хождение по водам преобразуется в хождение по «морю удобоглаголания», т. е. указывает на владение ораторским талантом, красноречием.

На этих примерах раскрывается риторическая стратегия автора послания, его стремление с помощью переосмысленных им в связи с собственной персоной библейских цитат убедить читателя в правоте своей позиции, своих взглядов и поведения. Хорошо видно, как он обильно, не скупясь, насыщает свой текст мотивами и образами Священного Писания, которые стали для Петра Артемьева средством выражения своего психологического состояния, настроения, позволили ему в определенной степени раскрыть свой образ, одновременно образ автора повествования и образ действующего персонажа. В создаваемых писателем выразительных художественных образах и повышенной, порой избыточной экспрессивности стиля с нотами экзальтации со всей очевидностью проступают следы влияния поэтики литературы барокко (плоды обучения Петра Артемьева в Италии, в школах иезуитов) [Панич, 2007, с. 175–178]. Все это определило специфику авторского подхода Петра Артемьева при работе с библейским текстом, особенности его использования.

Таким образом, авторы сочинений полемической направленности, появившихся во второй половине XVII в. в условиях религиозно-идеологических столкновений этого времени, следуя традиции, широко использовали сюжеты и образы Священного Писания. Библейские нарративы всегда занимали ведущее место в иерархии источников. Писатели обращались к ним в поисках абсолютных ис-

тин, достоверных знаний, необходимых для истолкования современных событий и процессов, происходивших в культуре и общественной жизни. Сложная образность текстов Священного Писания позволяла извлекать из них самые разные смыслы. При этом характер рецепции и обработки какого-либо сюжета, мотива или образа целиком зависел от идеологической позиции автора сочинения и его творческой стратегии, определявших смысловую направленность символики текста в защиту его представлений и суждений. Библейские сюжеты и образы использовались в качестве авторитетных и неоспоримых аргументов в полемике с идейными противниками, а также выполняли иллюстративную функцию, предъявлялись в виде наглядного примера для подтверждения высказанных в сочинении идей; иногда привлекались как средство авторского самовыражения. Кроме того, тексты Священного Писания, традиционно служившие готовым материалом при написании сочинений, выступали в качестве элементов композиционной структуры произведения, обогащали его смысловое поле.

Список литературы

Гардзанити М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 28–40.

Демин А. С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков (Общественные настроения). М., 1985. 351 с.

Демкова Н. С., *Титова Л. В.* Полемический трактат пустозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII века // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 170–224.

Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1762. 263 л.

Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004. 355 с.

Опарина Т. А. Образ «третьей части звезд небесных» в русской публицистике XVII века // Славяноведение. 2003. № 2. С. 70–78.

Панич Т. В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.

Панич Т. В. Слово «На непокорники Церкви» – памятник ранней антистарообрядческой полемики // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 158–180.

Панич Т. В. Послание Петра Артемьева отцу в Суздаль // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 166–186.

Панич Т. В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247.

Пиккио Р. Slavia orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. 720 с.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. 404 с.

Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. 7, ч. 4. 433 с.

Шашков А. Т. Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 206–214.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. 599 с.

References

Demin A. S. *Pisatel' i obshchestvo v Rossii XVI–XVII vekov (Obshchestvennyye nastroyeniya)* [Writer and society in Russia of the 16th–17th centuries (Public sentiments)]. Moscow, 1985, 351 p.

Demkova N. S., Titova L. V. Polemicheskiy traktat pustozerskikh uznikov "Otvet pravoslavnykh" v sostave sbornikov XVII veka [The polemical treatise of the Pustozersk prisoners "Response of the Orthodox" as part of 17th-century collections]. In *Obshchestvennoye soznaniye i literatura XVI–XX vv.* [Social consciousness and literature of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk, 2001, pp. 170–224.

Dimitriy Rostovskiy. *Rozysk o raskol'nicheskoy brynskoy vere* [Investigation of the schismatic Bryn faith]. Moscow, 1762, 263 fol.

Florovskiy G. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Kiev, 1991, 599 p.

Gardzaniti M. Bibleyskiye tsitaty v literature Slavia Orthodoxa [Biblical quotes in the literature of Slavia Orthodoxa]. *TODRL*. St. Petersburg, 2007, vol. 58, pp. 28–40.

Oparina T. A. Obraz "tret'yey chasti zvezd nebesnykh" v russkoy publitsistike XVII veka [The image of the "third part of the stars of heaven" in Russian journalism of the 17th century]. *Slavyanovedeniye*. 2003, no. 2, pp. 70–78.

Panich T. V. *Kniga "Shchit very" v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka* [The book "Shield of Faith" in the historical and literary context of the late 17th century]. Novosibirsk, 2004, 327 p.

Panich T. V. Poslaniye Petra Artem'yeva ottsu v Suzdal' [The epistle of Peter Artem'yev to his father in Suzdal]. In *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novyye teksty, novyye interpretatsii* [Monuments of Russian booklore: new texts, new interpretations]. Novosibirsk, 2007, pp. 166–186.

Panich T. V. Sibirskiye poslaniya Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) po spisku BAN, Arkhangel'skoye sobraniye, S 220 [Siberian epistles of Ignatius (Rimsky-Korsakov) according to the BAN manuscript, Arkhangelsk collection, C 220]. In *Istochniki po istorii Rossii: problemy obshchestvennoy mysli i kul'tury* [Sources on the history of Russia: problems of social thought and culture]. Novosibirsk, 2019, pp. 156–247.

Panich T. V. Slovo "Na nepokorniki Tserkvi" – pamyatnik ranney antistaroobryadcheskoy polemiki [The discourse "Against the rebels of the Church" – a monument of early anti-Old Believer polemics]. In *Obshchestvennoye soznaniye naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* [Social consciousness of the population of Russia according to domestic narrative sources of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk, 2006, pp. 158–180.

Pikkio R. *Slavia orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia orthodoxa. Literature and language]. Moscow, 2003, 720 p.

Robinson A. N. *Bor'ba idey v russkoy literature XVII veka* [The struggle of ideas in Russian literature of the 17th century]. Moscow, 1974, 404 p.

Shashkov A. T. Sibirskiy mitropolit Ignatiy i "delo" Iosifa Astomena [Siberian Metropolitan Ignatius and the "case" of Joseph Astomenus]. In Shashkov A. T. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Yekaterinburg, 2013, pp. 206–214.

Subbotin N. I. *Materialy dlya istorii raskola za pervoye vremya yego sushchestvovaniya* [Materials for the history of the schism during the first time of its existence]. Moscow, 1885, vol. 7, pt. 4, 433 p.

Zhivov V. M. *Iz tserkovnoy istorii vremen Petra Velikogo: issledovaniya i materialy* [From the church history of the times of Peter the Great: research and materials]. Moscow, 2004, 355 p.

Информация об авторе

Тамара Васильевна Панич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Tamara V. Panich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Archaeography and Source Studies, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 11.01.2026;
одобрена после рецензирования 26.01.2026; *принята к публикации 26.01.2026*
The article was submitted on 11.01.2026;
approved after reviewing on 26.01.2026; *accepted for publication on 26.01.2026*